

Сергей Петрович Алексеев Рассказы о Суворове и русских солдатах
Глава первая ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

ПАКЕТ

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого. Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

«БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником. В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытаться счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары, — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ТУРТУКАЙ

Слава Суворова началась с Туртукай.

Суворов только недавно был произведен в генералы и сражался под началом фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского против турок. Румянцев был заслуженным военачальником. Одержал он немало побед над противником. Однако эта война поначалу велась нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

— Однимглядением крепостей не возьмешь, — возмутился он робостью графа Румянцева.

И вот, не спросив разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнав и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришел приказ Румянцева повернуть назад. Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взята, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказаний.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь, — говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стихов фельдмаршал обиделся, — перешептывались третьи.

Слухи о расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй. Защитила она Суворова.

«Победителя не судят», — написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся к войскам и через несколько дней одержал новую победу над турками.

СУВОРОВ СТОЯЛ В КИНБУРНЕ

С небольшим отрядом казаков и солдат Суворов стоял в Кинбурне. Важной была крепость. Слева — Черное море. Узкая песчаная коса впереди. Справа Днепровский лиман. Не допустить турок в Днепровский лиман — задача Суворова.

Пятьдесят шесть турецких судов и фрегатов подошли к Кинбурнской косе, открыли огонь по русским.

Окончили турецкие корабли обстрел, стали высаживать отборные войска на берег. Боялись турки Топал-паша^[1] — так прозвали они Суворова. Даже французских офицеров призывали к себе на помощь.

Вывел Суворов навстречу врагу небольшой гарнизон своей крепости, начал неравный бой. Бьются русские солдаты, не щадя живота своего. То тут, то там на коне Суворов.

— Алла! Алла! — кричат турки.

— Ура! Ура! — не смолкают русские.

Идет отчаянный бой, кипит рукопашная сеча.

В разгар сражения картечь ударила в грудь Суворова. Потерял он сознание, свалился с коня.

— Топал-паша убит! Убит! Убит! — пронеслось в турецких рядах.

Осмелели турки, с новой силой бросились в битву.

Подняли между тем казаки генерала, промыли рану соленой водой. Пришел Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бой, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Алла! Ура! — несетя над берегом.

Прошел час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не смей! — закричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубахи и к войскам.

Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнет шпагой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли теряет сознание. Снова придет в себя, снова «ура», и снова на казацкие плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня и на бугре, на высоком месте, — так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадеры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погнали турок и французских офицеров назад, к Черному морю. Немногие добрались до своих кораблей. А те, что добрались, распустили слух, что Суворов убит в Кинбурне.

Однако от ран Суворов скоро оправился и еще не раз о себе напоминал.

БИТВА ФОКШАНСКАЯ

С русскими против турок сражались австрийцы. Дела у австрийцев были неважны, и им грозил разгром под Фокианами.

Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь пришел Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией принц Кобургский немедля прислал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а затем подумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдет. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

— Суворов богу молится, — заявили посыльному.

Через час прибыл новый посыльный.

— Суворов ужинает, — отвечают ему.

Прошел еще час, и снова прибыл посыльный.

— Суворов спит, — объяснили австрийцу. — Наказал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привез письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, — писал Суворов. — Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришел, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не упусти, ура! А коль не придешь, ударю один», — пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так — без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

— Нельзя было, — объяснял Суворов. — Нельзя иначе. Австрийцы — они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждет Суворова, думает — русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошел. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник — это река. У ее берегов собралась огромная, стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шелковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик: прибыл из русского лагеря. Принес разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий государь за победу.

С мыслями о наградах великий визирь заснул. И вдруг на рассвете, сквозь радостный сон, Юсуф-паша услышал дикие крики:

— Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки — в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться невысказано.

— Какие русские?! Откуда русские? — кричит визирь.

А русские уже и слева и справа, бьют и в лоб, и с боков, и с тыла. Теснят растерявшихся турок. «Ура, ура!» — только и несется со всех сторон.

— Стойте! — кричит визирь. — Сыны аллаха! Стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолел турецкую армию великий страх.

Схватил тогда визирь священную книгу — Коран, стал заклинать трусов.

Но и слова о боге не помогают.

Приказал тогда визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Забыли солдаты и визиря и аллаха. Бегут как стадо баранов. «Аман!^[2] вопят. — Аман!» Сбивают и давят друг друга.

— Скоты! — прошептал потрясенный визирь.

Оставил он и Коран и пушки, подхватил полы парчового своего халата и, пока не поздно, бросился вслед за всеми.

Любил Суворов стремительные переходы. Напал на неприятеля неожиданно, обрушился как снег на голову.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступить надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры!» — передразнил Суворов. — «Домой!» Нет, сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил ведет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить.

Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить враспынную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

МИШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и ее пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребет копытом. Не конь, а огонь.

Подошел Суворов слева, подошел справа. И Мишка повел головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришелся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчен, опечален Суворов — и Мишка насунится, шагом идет, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нем приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конем, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живет в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучшие Мишки все-таки не было.

ДЕРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий. Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехнулся Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Илловайский. — А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики. Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, — оправдывался Илловайский.

— «Дерзость»! — кричал Суворов. — Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя, — говорил Суворов. — При лошадях он безопаснее.

«УБИТ ПОД ФОКШАНАМИ»

На переходе к Фокшанам одна из колонн пехотного Смоленского полка попала под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнем валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь

стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите, — просит, — ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет. А в это время обе колонны догнал Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стоите! Вперед! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство, — стал оправдываться подполковник, — так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказанья своего генерала.

Посмотрел Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

— Какого генерала?! — воскликнул Суворов. — Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

— Убит. Убит, — повторил Суворов. — Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул ее в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Просьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы, — говорил он. — Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

— А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

— Убит. Убит под Фокшанами.

«ГДЕ Ж ЭТО ВИДАНО...»

Где же это видано, чтобы кавалерия атаковала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А все же много нашего брата гибнет, — заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно без смертей.

— Так-то оно так, — соглашался солдат, — а все же, если подумать...

— Чего же тут думать?

— А вот, к примеру: засел неприятель в окопах, держится, пока до него добежишь, сколько людей навалит. А ежели на конях — раз, и в момент в окопах.

Смеются солдаты. Где ж это видано, чтоб на конях — и в окопы.

— Ты что же, умнее самого Суворова? — говорят.

— Зачем же умнее? Это я так, к слову, — засмутился солдат.

А в это время Суворов проходил по лагерю и подслушал солдатский разговор. Подошел он к спорщикам.

— Как звать? — обратился к рябому солдату.

— Остап Капелюха.

— Родом откуда?

— Малороссийский, ваше сиятельство, из-под Чернигова.

— Так, говоришь, чтобы кавалерия атаковала окопы?

— Так точно, ваше сиятельство.

Улыбнулся Суворов.

На следующий день при атаке турецкого лагеря Смоленский полк натолкнулся на окопы противника. Пошли солдаты в атаку, однако турки подняли страшную стрельбу, и смоленцы отпрянули. Несколько раз ходили в атаку солдаты, да все неудачно. Хоть и недалеко до окопов, метров всего полтораста, однако идти солдатам по ровному месту. Пока бегут — турки их щелкают, словно зайцев.

К Смоленскому полку прибыл Суворов. Видит — зазря погибают солдаты.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперед! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смоленцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добились противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невпопад:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братцы.

И верно. Не в первый раз уже применял Суворов конную атаку на окопы врага. Удалась атака и в этот раз.

ТУРЕЦКИЙ ШТАНДАРТ

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: впереди — турецкий штандарт.

Остановился поручик Вицин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак, турки идут в наступление?

А штандарт колышется поверх кукурузных стеблей и все ближе и ближе.

— К бою! — скомандовал Вицин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсем рядом.

— Вперед! Ура! — закричал поручик.

Бросились солдаты вперед.

А навстречу им русский солдат выходит — турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

— Штандарт откуда?

— Как звать?

— Какого полка?

Рассказал солдат, что звать его Гавриилом Жакеткой, что солдат он первой роты Смоленского полка, турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несет командиром.

— Ай да Жакетка, — смеются солдаты. — Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вицин солдату, как разыскать командира Смоленского полка. Пошел солдат дальше своей дорогой. А рота убыстрила шаг — и вдогон неприятелю.

Сто турецких знамен захватили русские в битве на Рымнике.

Штандарт, взятый Гавриилом Жакеткой, был первым.

РОССИЙСКИЙ СОЛДАТ

Преследуя турок, гренадер Дындин увлекся боем.

Бежит Дындин, колет штыком, бьет прикладом.

— Аман, аман! — кричат турки.

Отбежали с версту. Повернул кто-то из турецких солдат голову, видит всего-навсего один российский солдат сзади.

Закричал турок своим братьям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Алла! — кричат. — Алла! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдается. Пырнул штыком одного турка, пырнул второго, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, приглушили прикладами. Очнулся Дындин в воде.

Прихватив пленного, турки вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только все тело жжжет, в костях ломит, голова кругом. Закрыл солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву гренадера, советуются между собой, что делать дальше.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не тащить, а отрезать солдатскую голову и принести, как трофей, начальству.

Подошел турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотел рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил гренадер, вырвал ружье.

Опешили турки. Что за чудо: ожил солдат — и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка — ударил штыком. Догнал второго — и тоже штыком. Еще один турок бросился в воду.

И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бьет направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Смотрят — на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись — так это же Дындин!

— Дындин, Дындин! — позвали товарища.

Шевельнулся герой.

— Жив, жив! — закричали солдаты радостно и бросились к нему.

Подняли они гренадера на руки, отправили к санитарной повозке.

— Десять турок! — восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. Молодец! Ой какой молодец! Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шесть, давай нам десять на одного: всех побьем, повалим, в полон возьмем — коль такой солдат в российских войсках имеется.

ПЕРВЫЙ

Вечером после победы у Рымника Суворов шел по русскому лагерю.

Смотрит — у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит — у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят. Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь гренадер Гагин, — говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хотин, — поправляет его второй.

— И не Гагин, и не Хотин, а Знамов, — уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хотина, и Знамова — пусть скажут сами. Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают у Гагина.

— Нет, — отвечает Гагин. — Первым был Хотин.

— Нет, не я, — отвечает Хотин. — Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов, — так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хотин.

Порадовался Суворов солдатской скромности, подошел он к гренадерам.

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

— Марш спать! — прикрикнул на офицеров. — Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совесть было солдату. И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубаху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий ишандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем излодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну, — думает, — пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнес. — Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

ПЕРЕХОД

Двигается суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдавайте передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас скушает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь навывкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от четкого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов — доволен. Не остановилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

СПОР

Как-то между солдатами начался спор — прав или неправ Суворов, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пенкин и рядовой Кривокорытов.

— А что, — говорит Пенкин, — прав Суворов. В быстроте вся сила. Быстрота и натиск решают дело.

— Так-то оно так, — соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал свое: — Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

— Мало что отстают, — возражал Пенкин. — Пусть лучше десять отстанут, зато сто победят.

— Ишь ты — десять отстанут! — не унимался Кривокорытов. — А может, эти десять самые смелые.

— «Смелые!»! — усмехнулся капрал. — Кто же это тебе сказал, чтоб смелые — и вдруг позади!

И другие солдаты поддержали капрала:

— Прав Суворов: лучше устать, но победить!

— Ну, как хотите, — сдался Кривокорытов. — А мне торопиться некуда. Мне мое здоровье важнее.

И действительно, на всех маршах солдат отставал. Армия уже и закончила переход и вошла в дело, а бывало, и разбила противника, а Кривокорытов и другие вроде него еще где-то в пути, обозными клячами тащатся.

— Эх, несдобровать тебе, Кривокорытов! — говорил Пенкин солдату. Помяни: отстающего бьют.

Так оно и случилось.

Привел Суворов русские полки стремительным маршем к Рымнику, к лагерю Юсуф-паши. Прошли солдаты единым махом восемьдесят верст, разгромили турецкую армию.

Кончился бой. Стали товарищи разыскивать Кривокорытова. Нет солдата. Принялись ждать. Ждут день, ждут два — не приходит солдат.

На третий день Кривокорытов нашелся. Поленился, отстал, отбил солдат в пути, наскок на турецкий разъезд и был насмерть врагами изрублен.

Похоронили солдаты товарища, перекрестились. Эхма, ни за что ни про что, через глупость свою, сложил гренадер неразумную голову!

ПАЛОЧКИ

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что, — отвечал Пень, — кровь проливаю, себя не жалею. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в маленький турецкий городок. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам, видит — выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец, — окликнул Суворов, — сюда!

Подбежал Пень.

— Откуда гусак?!

Замялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашелся:

— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На, говорит, служивый.

— Так и дала? — усмехнулся Суворов.

— Дала, дала и еще приходит велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабым чутьем, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

— Значит, сама дала и еще приходит велела! — обозлился Суворов.

— Так то не она, другая дала, — стал выкручиваться Пень. — Молодая.

— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома выбегает молодая турчанка и тоже к солдату.

Подскочила, затараторила на своем языке, руками машет и причитает.

Суворов турецкий язык знал, понял, что турчанка говорит о шелковой шали. Протянул он руку к солдатской пазухе — вытащил шаль.

Потупил Пень глаза, понял, что быть расплате. Крикнул Суворов солдат, приказал взять мародера под стражу.

Вечером перед воинским строем виновного разложили на лавке и стали всыпать шомполами.

Врезают солдаты воршике, а Суворов стоит рядом, приговаривает:

— Жителя не обижай — он тебя кормит, не обижай — он тебя поит. Так ему. Так ему. Еще, еще! — командует Суворов. — Пусть хоть палочки дурь выбьют. Палочки тоже на пользу, коль солдат нечист на руку. Солдат защитник жителя. Солдат не разбойник!

СУП И КАША

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов. — Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж, — отвечают генералы, — мы подождем. Вот-вот Лушка придет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство, — успокаивали его армейские интенданты, — новую шинель сошьем. Лучшую.

— Нет, нет, — отвечал Суворов. — Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в наскоке на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

— А где он? Жив тот Осман? — заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача — пойти излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

— Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! — кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

— Так они, ваше сиятельство, сами.

— «Сами»! — пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

— Чего это наш фельдмаршал? — спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.

— Шинель, — отвечал Иван Книга.

— Ну так что?

— Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

МОСТЫ

Войска Суворова сражались в Италии. Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты.

Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдает французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились саперные офицеры.

— Молчок, — приложил палец ко рту Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по ее течению и переправил, где вброд, где по понтонам, на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают — мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

ЗАМАНИВАЙ

На реке Треббии разгорелась кровопролитная битва с французами.

Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубашке, со шпагой в руке.

В самый разгар битвы один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин.

«Ну, гибель пришла!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

— Заманивай! Шибче! Так, правильно! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

— Чудо-богатыри!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперед!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

— Вперед! — не умолкает Суворов. — Богатыри! Неприятель от вас дрожит! — И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой ловко, ой как ловко Суворов все дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже был далеко от этих мест, ястребом сидел на коне и снова зорко следил, все ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Треббии. Победа была суворовской полной.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любитесья.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — все, как надо, указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

— Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

«Я САМ ПРИНЕСУ СВОЮ ГОЛОВУ»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»^[3] и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

— Помилуй бог, два миллиона ливров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошел по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — произнес, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамена, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить. Поразбежались!

ГОВОРУН

Генерал князь Пирытин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золоченую резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завел разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

— Минуточку, минуточку. Я вам еще одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчиненных. Вызывает к себе офицеров и начинает рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, то и им опротивело. А так как начальству перечесть было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощекий, во вторник — поручик Куклин, в среду — капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали, тратили время и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

— Зачем мне карета? — заупрямился было Суворов. — Донской конь лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, все готовился к встрече с Суворовым.

А сам Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге.

Тогда Суворов по поводу кареты и ее хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащенную его карету взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ, и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уж больно хочется ему заговорить с Суворовым.

Просидел генерал молча минут десять и все же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин еще минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси, господи, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский. — Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книжки читал французские. Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И все-то ему у французов нравится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужужал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, — ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов. — Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

— Ах, прости, прости старика, запомятовал.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях.

Предложили французы обменяться пленными офицерам. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все, — говорит.

— Все, ваше сиятельство, — докладывают офицеры.

— Нет, не все, — повторяет фельдмаршал. — Тут еще один французшика не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство! — кричит. — Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

— Нет ошибки, — отвечает фельдмаршал. — Не русский ты.

— Русский, — утверждает поручик. — Русский. И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

— Мало что во Пскове рожден. Мало что матушка да батюшка русские, говорит Суворов. — Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить. Подумал Суворов, сказал:

— Ладно, так уж и быть — оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Всю свою солдатскую жизнь Прошка провел в денщиках у Суворова. Любил похвастать Прошка близостью к великому полководцу. Начинал так: «Когда мы с фельдмаршалом бивали турок...» Или: «Когда мы бивали прусских...»

— Ну, а ты здесь при чем? — смеялись солдаты.

— Как — при чем! — обижался Прошка. — Как же без меня? Да если бы не я...

И Прошка не врал. Составляя планы сражений, Суворов любил «посоветоваться» со своим денщиком.

— А как ты думаешь, Прошка, — спрашивал Суворов, — не заслат ли нам драгун^[4] в тыл к неприятелю?

— Заслат, заслат, непременно заслат, — соглашался Прошка.

— А как ты думаешь, не направить ли нам генералу такому-то сикурс^[5]?

— А как же — направить, непременно направить, — одобрял Прошка.

Не раз Прошка спасал Суворова от верной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним нужен глаз да глаз. Неотступен Прошка — словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошел ко дну — Прошка, не мешкая, бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прошка тут как тут — подводит нового рысака.

А сколько раз выхаживал Прошка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжелым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и остановилась в затылке. Пулю вырезали. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался все время встать.

Ни доктора, ни генералы не могли успокоить Суворова.

И снова нашелся Прошка.

— Не велено, не велено! — покрикивал он на больного.

— Кем не велено?! — возмущался Суворов.

— Фельдмаршалом Суворовым, — отвечал Прошка.

— О, фельдмаршала надобно слушаться. Помилуй бог, надобно слушаться, — говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прошке медаль. При этом было указано, что Прошка награждается «за сбережение здоровья великого полководца».

Медалью Прошка страшно гордился и, когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграничниками моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается князь Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски.

Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось. Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава вторая

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза, — вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит поверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне басурманская речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

«ПАХУЧКА»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещерский. Одет офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колен. Напомажен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званый обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул. — Пахучка!

— Что? — не понял Мещерский.

— Духи, говорю, — произнес Суворов, — пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

— Полтысячи золотых, — с гордостью ответил Мещерский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатится ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне — собой любит: вот он, мол, какой и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам. Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через овраги и перелески. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и все приговаривает:

— Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещерский уже понял, в чем дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит он на щегольской наряд, понимает — ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шелковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жесткое казацье седло до крови натер себе ноги.

Вернулся щеголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня — едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подает. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», — подумал Суворов.

И не ошибся.

Вскоре с поручика сошел питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца?^[6]

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крикнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат! Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звезд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту, — и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал. Ну, уж на третий раз, — решил фельдмаршал, — я своего добьюсь: поставлю в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать:

«Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фронт^[7] и гаркнул:

— Виктория, ваше сиятельство!

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый, — произнес Суворов, — скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та, — не раздумывая ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и восхищался:

— Помилуй бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

САПОГИ

В чине генерал-аншефа Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдаленном участке Суворов передоверил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, перепоручил это своему помощнику — майору. Д майор, в свою очередь, — молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдаленную крепость. Приехал. Посмотрел — работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это! — закричал. — Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил все на майора: мол, майор во всем виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да, — произнес Суворов, — вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры — ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свои сапоги. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всем виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдаленная крепость.

МОНАСТЫРСКИЕ СТЕНЫ

Однажды сержанты и суворовские офицеры проводили с солдатами учения около монастыря. Глянули офицеры на высокие монастырские стены.

— На штурм! — раздалась команда.

Солдаты опешили.

— На штурм!

Солдаты закричали «ура» и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дело. Забились в темные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончили офицеры учения, похвалили солдат за проворство, построили, повели в казармы.

На следующий день вновь повторились учения. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи попривыкли к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи им не хочется. Видать, понравилась солдатская удаля: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, — думает, — все дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Не знал настоятель, что это по приказу Суворова штурмовали солдаты монастырские стены. Выхватил Суворов шпагу, вскинул над головой, указал на стены:

— Чудо-богатыри, ура! Вперед! Во славу отечества!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Питер. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушел на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Спасибо за учения, спасибо за монастырские стены.

ПО-СУВОРОВСКИ

В поле недалеко от казарм капрал Казанского пехотного полка вел занятия со своими солдатами по-суворовски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Ученье свет, а неученье тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат ученый?

— За ученого трех неученых дают.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — произнес капрал, — верно. — И перешел к занятиям по рукопашному бою.

Сам показал. Потом повторяли солдаты.

— Коли! Правильно. Коли! — выкрикивал капрал. — Пуля дура, штык молодец! — выкрикивал по-суворовски он при этом.

Начался дождь. Однако капрал солдат не распустил.

— За мной! — закричал. — Вперед! — И побежал через поле, через овраг к речке. — Живей, живей! — подгоняет солдат и опять по-суворовски: Голова хвоста не ждет. Храбрый впереди, трусишку и назади убивают!

Подбежали к реке. Капрал бух в воду — и на тот берег. И солдаты за ним. Вылезли, смотрят — один поотстал. Бьется на быстрине, тонет.

— Назад! — закричал капрал. — Сам погибай, а товарища выручай! В воду!

Вытащили неумельца солдаты. Стоят, переводят дух.

— Устали? — усмехнулся капрал.

— Устали, — сознались солдаты, но тут же гаркнули по-суворовски: Трудно в ученье, легко в бою!

— Молодцы! Правильно! — похвалил их довольный капрал.

Слухи о занятиях солдат в Казанском полку дошли до Суворова. Порадовался фельдмаршал, что солдаты суворовскую науку осваивают. Решил он узнать фамилию лихого капрала. Написал письмо командиру полка. Вскоре пришел ответ:

«Фамилию, ваше сиятельство, указать не могу. У нас что ни капрал каждый ведет занятия по-суворовски».

ГОСПИТАЛЬ

— Не люблю госпиталей, — говорил Суворов. — Тот их любит, кто не радеет за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек больных.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам.

Зашел в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся, — наконец произнес какой-то солдатик.

— Позвать сюда провиантмейстера^[8], — приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным... — начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А еще?

— Капустой.

— Так, — произнес Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

Вошел Суворов во вторую палату.

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они поотмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса^[9], — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

Пошел Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие еще раненые? — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось тухлой капусты. Кутайсов и другие офицеры стали собственноручно проверять снаряды и пушки.

Прошелся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пустые. Вместо прежней тысячи человек с трудом сорок больных насчиталось.

Ходит Суворов — доволен. Не любил фельдмаршал госпиталей.

НА СЕСТРОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путем по битой проселочной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хороши карабины. Осмотрел штыки — хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков.

«И чего это, — думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего, — ответил Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего еще привязался!» — думает мастер.

— Ступай, — говорит, — служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя — попадет.

Суворов ушел.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше чем среднего.

— Худощав?

— Худощав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком впереди?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

РТИЩЕВ-УМИЩЕВ

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю „немогузнаек“, — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядком на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск вперед, имеющее целью уничтожить противника, — отчеканил Козлятин.

— Дельно, дельно, — похвалил Суворов. — Правильно. А что такое супренировать? — спросил у капитана Проказина.

— Супренировать, ваше сиятельство, — ответил Проказин, — это значит напасть неожиданно, застать неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

— Дельно. Дельно, — снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал: знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит улыбается, а сам Суворову все время на молодого поручика Ртищева показывает.

— Это, — говорит, — самый знающий в полку офицер. Умница!

Дошла очередь и до Ртищева.

— А ну-ка, скажи мне, Ртищев, — произнес Суворов, — что такое есть ретирада?^[10] Замялся поручик и вдруг...

— Не могу знать! — выпалил.

Все так и ахнули. Ну, все дело испортил. Офицеров подвел. Командиров полка опозорил. Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

— Немогузнайку подсунули! — закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

— Так что такое есть ретирада?

— Не могу знать, ваше сиятельство. В нашем полку такое слово никому не известно.

Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Славный полк — Фанагорийский. Значит, никто не знает?!

— Так точно, ваше сиятельство.

— Вот уж не думал, что проклятый немогузнайка доставит мне столько радости! — прослезился Суворов. — Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

ВРАГ

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги.

Как-то пришел Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов. — Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберемся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепешкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть еще.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнес Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошел секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот таинственно, шепотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнес Суворов.

СТОРОНИСЬ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, возжжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра вразлет.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прошка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любитесь. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише! — прикрикнул Суворов и снова любитесь: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

БАРИН

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова. Несколько тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова крестьяне с нетерпением ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дождаться приезда Суворова, прийти к нему и все рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

— Как звать? — обратился фельдмаршал к первому.

— Денис Никитин.

— Про что жалоба?

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашел он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

— Правильно выпорот, — сказал Суворов, — на барское рот не разевай.

— Так сноп же подгнивший. Заваливший. Ему же все равно пропадать...

— Не твое дело, — прервал Суворов. — За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? — обратился ко второму мужику.

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

— Шапку не снял перед Балком, ваше сиятельство.

— Шапку снимай, — ответил Суворов. — Правильно сечен.

— Так я же не заметил. Без злого умысла, ваше сиятельство.

— Впредь замечай. Будет наука. Ну, а ты? — обратился к горбатой старухе.

— Сечена, батюшка, сечена, — зашамкала та, — недоимки у меня: три рубля двадцать копеек.

— Помилуй бог, — воскликнул Суворов. — Три рубля двадцать копеек! Верни. Немедля верни.

— Так где же их взять?

— Корову продай.

— Так нет же коровы.

— Займи.

— Так у кого же занять?!

— Ступай, — прекратил разговор Суворов. — Верно сечена. За недоимки управляющему наказ и впредь батогоми жаловать.

Больше жалобщиков не нашлось. Расходились мужики разочарованные.

— Барин, как есть барин! — говорили они.

НЕВЕСТЫ

Приехал как-то Суворов под Владимир в свое имение Ундол, прошелся по улице, повстречал группу парней:

— Женаты?

— Нет, ваше сиятельство.

— Почему не женаты?

— Так невест на селе нет.

Вызвал Суворов управляющего, стал кричать:

— Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

— Невест же нет на селе.

— Купить невест, — распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы свое хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности — барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри, — наставлял Суворов. — Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил — и в Ундол. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранно.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

— Становись!

Стали по росту.

Подожел к невестам, согнал с телег:

— Становись!

Невесты построились.

— На-пра-во!

Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.

— Шагом марш! Под венец. В церковь! — командовал Суворов и сам пошел первым.

Тут же молодых оженшили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девиц по росту. И сразу стало все на свое место.

Суворов остался доволен. Женил. Доброе дело сделал. А о том, понравились ли друг другу женихи и невесты, и не подумал. Барин. И молодые смолчали: барская воля — надобно слушаться.

КОНЬКИ

Мало кто в те времена на коньках катался. А вот Суворов катался.

Живя зиму в Ундоле, фельдмаршал каждый день ходил на замерзший пруд, проводил там часа два, а то и три сряду.

Пристрастился ходить на пруд вместе с Суворовым и мальчишка Федька Ухов. Вначале просто ходил, смотрел. А потом смастерил для себя коньки из старой железки. Видит фельдмаршал — шустрый мальчишка, принялся его обучать.

— Не робей. Не робей! — наставляет Суворов.

А Федька вовсе и не робеет. Только ноги у него разъезжаются.

— Стой так. Держись прямо, — объясняет Суворов. *— Шаг левой. Шаг правой. Пошел. Живее. Живее, давай!*

Заторопится Федька — бух, и на спину.

Смеется Суворов.

Подыметса мальчишка, отряхнет снег, закусит губу и опять за учение. Упрямый Федька.

— Шаг левой! Шаг правой! — командует Суворов. *— Пошел. Живее. Живее. Давай!*

Неделю мучился Федька. Падал. Шишки себе набил. Однако своего добился. Держится на ногах крепко, хотя и бегают пока тихо.

Мчит впереди Суворов.

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит Федьке.

Отстают Федька.

Прошла еще неделя. Мальчишка освоился. Не уступает теперь Суворову.

Прошла третья неделя, и Федька стал обгонять фельдмаршала. Обгонит:

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит барину.

Напрягается Суворов изо всех сил, пыжится, однако обогнать Федьку уже не может.

Все чаще и чаще к пруду стали собираться другие мальчишки. Сгрудятся, смотрят, как фельдмаршал и Федька бегают. Весело им смотреть на Суворова, радуются, что свой барина обгоняет. Смеются.

Обидно стало Суворову, стал отгонять он мальчишек. Отойдут те, а потом незаметно снова к пруду приблизятся. Снова смеются. Злится Суворов.

— Пошли вон! — кричит на ребят.

Надоело это Суворову. Стал он тогда выбирать такое время, чтобы Федьки поблизости не было. Видит — нет Федьки, схватит коньки, скорей на каток. Пробежит по пруду круг-другой, смотрит — и Федька тут, словно из-под земли вырос. И снова бегут ребята. Снова смеются.

Разозлился вконец Суворов, позвал управляющего:

— Знаешь мальчишку Федьку Ухова?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Так отвези его во Владимир и продай, — приказал Суворов. — Чтоб духу его тут не было!

Приказал Суворов, а потом передумал: все же понравился мальчишка своим умельством фельдмаршалу.

Остался Федька в Ундоле.

Через три года Суворов снова вспомнил о мальчишке и приказал управляющему отдать его в ученики к железных дел мастеру.

Выучился Федька, вернулся в родную деревню и вскоре стал прославленным мастером на всю округу.

БОБЫЛЬ

В селе Моровки-Шушки, что находилось в Пензенских владениях графа Суворова, жил бобыль Григорий Нектов.

Дома не имел, жены не имел, родных тоже. Побирался он по селу — чем кто накормит, а то и вообще пропадал из Шушек, а где он скитался, толком никто не знал.

А тут подошел набор крестьян в армию. Во времена Суворова солдатская служба была долгой-предолгой — двадцать пять лет. Из семьи уходил работник надолго, навечно. Вот и решили шушкинские мужики: чего же думать, пусть-ка Нектов идет в рекруты^[11].

Суворов же страшно не любил отдавать своих крепостных в солдаты. Невыгодно. Завел он такой порядок: рекрутов покупать со стороны. Полцены вносил Суворов, вторую половину собирали сами крестьяне. Роптали мужики на денежные поборы, однако мирились. А вот на этот раз решили: зачем же им тратить лишние деньги, раз есть бобыль Гришка.

Стали мужики упрашивать старосту Ивана Агафонова, чтобы тот немедля же написал о Гришке Суворову.

Поначалу Агафонов уперся: а ну как барин начнет ругаться? Потом согласился: пользы же все равно никакой от Нектова. Принялся сочинять письмо. Писал хитро. Начал с того, что в Шушках второй год неурожай, что крестьяне пришли в скудность, денег на рекрута нет. Потом упомянул, что при покойном родителе рекрутов не покупали и что, мол, менять порядок не стоит. А уже в самом конце упомянул о Григории Нектове: мол, бобыль, делом не занят, бродяжничает, мол, его и отдать в солдаты.

Ждут в Шушках ответа от Суворова. Вот и прибыл ответ. Взял староста бумагу — в глазах потемнело.

«Рекрута немедля купить, — грозно писал Суворов. — И впредь покупать, иначе быть вам розгами битыми». Далее в письме наказывалось, чтобы Нектову всем миром «завести дом, ложку, плошку, скотину и все прочее» и чтобы помогать Гришке до тех пор, пока хозяйство его не наладится. А в конце... «Раз Нектов до сей поры бобыль, — писал Суворов, — то главный ответчик староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 ден».

— Бог ты мой, — вскричал Агафонов, — бобыля Гришку — да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне.

— Ну что, что там в письме, чего барин в нем пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов. — Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью... — заскулил староста. — Все из-за вас, проклятое семя! набросился он на крестьян. — Сгною!.. Засеку!.. По миру пушу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать.

Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завел им дом, ложку, плошку, скотину и все прочее.

И не стало с той поры в Шушках бобыля Гришки. А в солдаты ушел рекрут, купленный за общий крестьянский счет, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

КОМУ КАК У ГОСПОД ЖИВЕТСЯ

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики.

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живется.

— У нас барин крут. Крут, не зря что фельдмаршал, — заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?

— Парней и девчат обженил без разбору.

— Ну, а еще?

— Мальца Федьку хотел продать.

— Еще?

— Еще рекрутов покупать заставляет.

— Ну и крут! — засмеялись крепостные других господ. — Вы уж молчите. У вас барин как барин. Хороший барин у вас. Дай бог и нам бы такого. — И принялись рассказывать о своей жизни.

Крепостные помещика Псарова — про то, как их барин три раза в году в покров, рождество и на пасху^[12] — всем мужикам и бабам учиняет поголовную порку.

— Это чтоб барскую руку помнили, чтобы боялись, — объясняли псаровские крестьяне. — Вот кто уж крут, так это наш барин: виновных — на цепь, недовольных — в солдаты, за недоимки — в темный подвал на хлеб и ржавую воду.

— Подумаешь, Федьку хотел продать! — заговорили крепостные помещицы Водолеевой. — Того хоть за дело, за озорство, а наша барыня — так ни за что ни про что этих мальцов, словно цыплят, на торг возами вывозит. Не терпит барыня детского крику. Дворовых девок, так тех, о господи, едва у кого народилось дите, топить, как котят, понуждает.

— А наш барин, — вмешались в разговор крестьяне князя Пирятина, — по весне трех егерей заporол до смерти. А за что? За то, что те ненароком во время охоты подстрелили борзую. Сука поправилась, а мужиков — на погост.

Долго шумели на базарной площади мужики. Говорили всякое. И про то, как мрут крестьяне от разных болезней, и что избы у всех не избы, а бог знает что, и что дети растут не учены, и что сами мучены-перемучены и нет уже больше сил терпеть измывательства и гнуть мужицкие спины ради бар и господской прихоти.

Возвращались суворовские мужики к себе в Ундол, вспоминали разговор на базарной площади, думали: «Да, пожалуй, наш барин совсем хороший. Хоть и фельдмаршал, и граф, и князь, а все же жить при таком можно. Упаси нас бог от других господ».

ШКОЛА

Несколько лет Россия жила без войны. Войска Суворова стояли на одном месте.

Обзавелись за это время солдаты семьями. Понародились дети. Вот и решил Суворов организовать для солдатских детей школу. Организовал и сам стал вести в ней занятия.

Собралось вначале в школу двенадцать ребят и подростков. А через несколько дней пришла девочка — Нюта. Ребята стали смеяться: девчонка — и в школу! Язык показывают. Дразнят.

Только зря смеялись ребята. Нюта оказалась не глупее других.

— Сколько дважды два? — спросил Суворов.

Сидят ребята, морщат лбы, соображают.

— Четыре! — выпалит Нюта.

— Молодец! Правильно, — скажет Суворов.

Потом вызывает ребят к доске, заставляет писать разные слова. Выбирает трудные:

— А ну-ка, Рындин, напиши мне слово «еще».

Выйдет Рындин, подумает, напишет «ищю».

— Так, — произнесет Суворов. — А ну-ка, Лаптев, ступай ты.

Выйдет Лаптев, напишет «исчо». Мучаются ребята с упрямым словом. «Есчо», «ищю», «исче» — по-разному пишут.

— Неверно, неверно, — говорит Суворов. — Ну-ка, Нюта, ступай к доске.

Выйдет Нюта и крупными буквами выведет: «Еще».

— Вот теперь правильно, — скажет Суворов и похвалит Нюту.

Или устроит Суворов урок географии:

— Где река Дон?

И снова ребята морщат лбы. Один на Волгу покажет, другой на Днепр, третий вообще бог весть куда заберется. Зато Нюта подойдет к карте, схватит указку и сразу в нужное место ткнет.

Вот и назначил Суворов Нюту старшей над классом. Обидно стало мальчишкам: девчонка — и вдруг старшая! Побыли они несколько дней в подчинении у Нюты, а потом Рындин и Лаптев обратились к Суворову с жалобой от всех ребят.

— Да, — произнес Суворов, — ваша правда. Нехорошо это. Не дело. Не пристало парням у девочки быть в подчинении. Только ведь по заслугам Нюта за старшую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Рындин.

— У нее голова больше, — произнес Лаптев.

— Неверно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдет.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудреные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «еще»?

— Через «е», «и», «е»! — хором кричат ребята.

— Сколько дважды два?

— Четыре!

— А трижды три?

— Девять!

— Молодцы! Правильно! — хвалит Суворов.

Пришло время сдержать Суворову данное слово. Решил он назначить старшим над классом вместо Нюты Рындина.

Только ребята вдруг запротивились:

— Пусть остается Нюта.

— Нюта!

— Нюта! — понеслось с разных сторон.

Усмехнулся Суворов, порадовался. Хоть и малые ребята, а поняли, что прав был Суворов, назначив Нюту за старшего, что лучшего старшего им и не надо.

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат, — ответил фельдмаршал.

— Откуда идешь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это еще про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет, — говорит Суворов, — не знаю.

— Какой же ты солдат, — усмехнулся Санька, — раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!»

Бегал Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не бреши, не бреши, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскочил верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое случиться, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему шил, чистил, носил за собой, как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

ШУБА

Подарила императрица Екатерина Вторая Суворову шубу. Сукно заграничное. мехом подбита. Воротник из бобровой шкуры. Хорошая шуба. Однако Суворову она ни к чему. Даже в самые лютые морозы фельдмаршал одевался легко, по-солдатски.

Спрятал бы ее Суворов на память в сундук, да только наказала царица фельдмаршалу с шубой не расставаться. Тогда Суворов пошел на хитрость.

Стал он возить за собой Прошку. Сидит Суворов в санках, рядом с фельдмаршалом — Прошка, важно держит в руках царскую шубу. Идет Суворов по улице. Следом за ним Прошка — в руках шуба.

Может быть, так до самой смерти своей и таскался бы Прошка с шубой, если бы вдруг кто-то не донес про суворовское непослушание императрице.

Разгневалась Екатерина Вторая, приказала позвать Суворова.

— Ты что же! — говорит. — Тебе что же, милость царская не по нутру?

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — По нутру, матушка. По нутру. Премного обязан.

— Ослушником стал! — укоряет царица. — Волю монаршую попираешь!

— Никак нет, — оправдывается Суворов. — Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчуку, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донес. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прошка специально приставлен... Прошка! Прошка! — позвал фельдмаршал.

Входит Прошка — приносит шубу. Рассмеялась царица.

— Ладно, — сказала, — бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Повесил Суворов шубу в дубовый шкаф. Там и висела шуба.

ПРО КОРМ И ХВАСТЛИВЫХ ПОМЕЩИКОВ

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей. Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко всему постоянно надоедали местные помещики. Приезжали посмотреть на Суворова, и каждый непременно приглашал фельдмаршала в гости.

Ездить же Суворов по гостям не любил и всем отвечал:

— Не могу. Не могу. Занят!

Приезжали помещики на тройках, четверках. Кони у всех резвые, сытые. Каждый пытался похвастать, пустить пыль в глаза — вот, мол, какой он богатый. А помещик Сопелкин приехал даже на целой восьмерке лошадей, запряженных цугом. Решил всех превзойти. Подумал: такому-то Суворов уж не откажет.

Глянул фельдмаршал на сопелкинскую восьмерку, задумался и вдруг действительно согласился.

На следующий день приказал Суворов собрать со всей армии восемьдесят самых тощих лошадей и запрячь их цугом в одну коляску. Запрягли. Уселся Суворов в коляску, поехал в гости.

Растянулся фельдмаршальский поезд на полверсты. Переступили первые пары через ворота сопелкинской усадьбы, а коляски с Суворовым еще и не видно — где-то за бугром тащится. Забили армейские кони весь барский двор — повернуться негде.

Понял помещик насмешку Суворова, однако смолчал. Распорядился развести коней по конюшням, пригласил фельдмаршала в дом.

Целую неделю гостил Суворов у Сопелкина. Съели за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сена, разжирели, поправились.

Простился Суворов. Уехал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли ответ от губернских начальников?

— Плохи дела, ваше сиятельство, — отвечают Суворову. — Нет ответа от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поехал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ездил к Шляндину, потом к Утконосову.

Другие помещики заволновались. Поняли — разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал все ездит и ездит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии еще долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

«ПУДРА — НЕ ПОРОХ...»

После смерти Екатерины Второй русским царем стал ее сын, Павел Первый.

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали. Нет ни героизма. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, еще немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— «Букли»! — буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не смененную фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнес свою знаменитую фразу:

— Пудра — не порох, букли — не пушки, коса — не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! — и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

СУВОРОЧКА

Была у Суворова дочь — Наташа. Души не чаял Суворов в своей Наташе. В каких бы дальних походах ни был, всегда вспоминал о ней, писал частые письма, называл «душа моя»,

«милая голубушка», а друзьям говорил: «Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи».

Но вот Наташа выросла, была принята при царском дворе, закрутилась на разных балах и званых приемах и совсем забыла отца.

Грустил Суворов в одиночестве. Особенно загрустил, будучи в ссылке в селе Кончанском. Редко-редко приходили сюда письма из Питера.

А тут привязалась к Суворову девочка Катя Калашикова. Ходила Катя с Суворовым в лес, навещала Мишку, суворовского коня, жившего здесь в «отставке», лазила на гору Дубиху, где среди старых дубов и елей стояла маленькая сторожка, в которой любил отдыхать и работать Суворов.

Идут фельдмаршал и Катя, ведут разговор.

— Ты старенький, — говорит Катя.

— Какой же я старенький? — возражает Суворов. — Я молод. Смотри... и прыгает, словно мальчишка, через овраг.

Катя смеется.

— Ты седенький, — говорит.

— Не сед я, а рус, — отвечает Суворов и молодецки встряхивает реденькими своими кудрями.

— У тебя морщинки на лбу.

— Какие же это морщинки? — отшучивается Суворов. — Это лихие шрамы.

— Ты не у дел, — заявляет Катя.

— Как не у дел! Вот и неправда, — уже серьезно скажет Суворов.

Возьмет девочку за руку и поведет в лесную сторожку. Переступит Катя порог — кругом книги и карты. Глянет на карты, а там планы боев и сражений. Хоть и жил Суворов в изгнании, да времени зря не тратил, готовился к новым походам.

К осени Суворов оборудовал одну из комнат кончанского дома под зимний сад. В лесу выкопали они вместе с Катей молодых сосенок, берез и елок, посадили их в кадки, установили в комнате. Потом с кончанскими мальчишками наловили синиц, снегирей и щеглов. Назвали комнату «птичьей горницей».

Любил Суворов сиживать в «птичьей горнице». Приходила сюда и Катя. Сдружились они с фельдмаршалом. Вместе следили за птицами, давали им воду и корм, чистили комнату. А потом Катя садилась поближе к Суворову, и тот принимался рассказывать ей удивительные истории и забавные сказки.

Но вот случилась беда. Заболела Катя тяжелой болезнью — оспой. Заболела и не поправилась. Осиротела «птичья горница».

Сразу же по весне Суворов выпустил птиц на волю. А сосенки, березки и елки наказал высадить рядом с Катиной могилкой. Деревца разрослись. Появилась рощица. Часто приходил сюда Суворов, молча стоял и о чем-то думал. Может, о Кате. Может, и о Наташе. А Наташа по-прежнему ездила по разным вечерам и балам и совсем перестала писать в Кончанское.

НИКОЛЕВ

В селе Кончанском Суворов находился под надзором обедневшего помещика Николева.

Доставалось Суворову от Николева. Строго соблюдал Николев режимные правила: письма вскрывал фельдмаршала, доносил о тех, кто посещал опального полководца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние села.

Едва Суворов куда-нибудь собирается: «Не велено, ваше сиятельство, не велено!» — кричит Николев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николев тут как тут, возьмет лукошко, идет следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался!»

Николев гордился своим положением.

— Служба у меня немалая, — говорил он крестьянам, — сам фельдмаршал у меня в подчинении.

— Правда. Правда твоя, — соглашались крестьяне. — Может, тебе еще и награду дадут за усердие.

При таких словах Николев широко улыбался.

— А что? — отвечал. — Может, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Павел Первый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

— Есть, есть, ваше величество, — ответил Суворов. — Великая просьба имеется.

— Говори.

— Был у меня в Кончанском надзиратель, — произнес Суворов, исправно, ваше величество, свое дело вел: письма читал, в Питер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николева.

Глава третья

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД АЛЬПИЙСКИЕ ГОРЫ

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудосолдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут пообмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут еще несколько — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдём дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошо, — произнес фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмутились солдаты.

— Русский все одолеет. Русскому все нипочем! — ответил Суворов. Прощайте. —

Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

За шумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

ИДУТ СОЛДАТЫ, ВЕДУТ РАЗГОВОР

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша погибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалы. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! несется со всех сторон.

— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы!

Удержались солдаты. Отступили французы.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша погибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Сторонись! — несется команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша погибель, так только от моря, от голода.

И вот кончилась еда. Нет провианта.

Помрачнели солдаты. Насупились. Идут, опустили солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно, —

затянул чей-то голос,

От покоя удаленно.

Ой лю-ли, ой лю-ли,

От покоя удаленно.

Прибодрились солдаты. Затянули ремни потуже. Повеселели. Идут. Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом на коне, смотрит, любит.

— Братцы! — кричит Суворов. — Не страшны нам горы Альпийские. Не страшны нам французшишки близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким

Все на свете победим.

Ой лю-ли, ой лю-ли,

Все на свете победим!

Двигается. Двигается. Двигается. По горным вершинам, по темным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Двигается. Двигается.

Двигается. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

ТУЧА

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропа ведет к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Непреступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу. Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного маневра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

— Ну, с богом, — перекрестил их Суворов.

Поползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Поднялись уже до самых вершин, да только были замечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают — не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский хохолок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

— Шибче, шибче спускайся! — кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты — наплывает из-за гор на Сен-Готард черная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

— Побьются в тумане, — бранится Суворов. — Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут:

— Ну как, не вернулся князь Петр?

— Нет, не вернулся еще, — докладывают Суворову.

Прошло еще несколько минут.

— Ну как, не вернулся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура».

Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несется на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевают Суворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперед! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждет. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Петр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эн нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — и расцеловал генерала.

ЧЕРТОВ МОСТ

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдает десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Бросились первые смельчаки на мост, но тут же свалились, сраженные пулями, в пропасть. Бросилась новая группа героев. Достигли пролома. Не перепрыгнешь пролом. Остановились. Скосили меткие французские стрелки русских героев. Ринулся новый отряд. Снова погибель.

Остановилась атака.

Сидит Суворов верхом на казацком коне, смотрит на мост, на солдат, на вражеский берег. Понимает: сколько ни бегай солдаты — не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечает фельдмаршал метрах в ста от дороги — стоит невесть для чего построенный здесь сарай. «Разобрать бы сарай, связать бревна и перебросить через пролом», — соображает Суворов. Только подумал, смотрит — от других отделяется тощий солдат, что-то машет товарищам и несется к сараю. Бросились вслед гренадеры, взобрались на крышу, стали растаскивать бревна.

Наблюдает Суворов, видит: снимает тощий солдат поясной ремень. За ним и другие снимают. Связали, стянули ремнями солдаты бревна, подняли, поволокли к пролому.

«Мудрая голова», — подумал фельдмаршал о тощем солдате. Доволен Суворов солдатской смекалкой.

Поравнялись солдаты с мостом. Выпь, вить! — засвистели французские пули.

Залегли смельчаки за бревна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся.

Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжелые бревна. Лег он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись бревна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — еще на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили бревна — к пролому. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на бревнах, повернулся к своим, машет рукой. Развеивает ветер солдатский кафтан, треплет рыжевато-красные кудри. Обдает непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренадеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несется в ущелье.

Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чертов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мохов, Кирилл Мохов, ваше сиятельство. Гренадер Апишеронского пехотного полка, роты капитана Лукова.

— Удалец! Удалец! — восхищается Суворов. — Переправу навел, мост соорудил. Богатырь! Витязь! Позвать удальца!

— Мохов! Мохов! — зовут солдаты.

Не откликается Мохов.

Лежит солдат на дне пропасти. Не слышит. Не видит.

Свалили солдата французские пули. Разбился о камни. Не бьется больше смелое сердце солдатское.

Погиб гренадер, а слава осталась.

Соберутся солдаты, начнут вспоминать бои и походы, вспомнят Чертов мост.

Вспомнят Чертов мост — вспомнят и Мохова:

— Если б не Мохов, если б не он — не видать нам победы. Доброе слово и память ему великая.

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ПОГОН

Идут войска, пробиваются через новые горы, через новые перевалы. Прорвались к Муттенской долине — тут роковая весть: полки, к которым торопился Суворов, разбиты.

Французский полководец Массена бросил теперь основные силы против Суворова. Силы неравны. У Массена в четыре раза больше солдат, чем у Суворова. И все же Суворов решил первым начать атаку.

Словно горная лавина, обрушились русские на французов. Полки Апишеронский и Азовский, казаки генерала Грекова врезались в противника с такой силой, что французы не выдержали и побежали.

Мечется Массена среди своих войск, кричит, пытается остановить. Не помогает. Бегут французы, давят друг друга, зажали в своей толпе самого Массена.

— Стойте! Стойте! — кричит генерал.

Вместе со всеми врезался во французские ряды и капрал Махотин. Видит — генерал на коне. Стал Махотин пробиваться к Массена. Пробился и сдернул Массена с коня. «Ну, братец, теперь не уйдешь. Теперь я тебя под мышку!» Радуется Махотин и вдруг видит у самого своего носа неприятельский штык. Кто-то из французских солдат бросился на помощь своему генералу. Отбил Махотин штык, повалил, пришиб прикладом француза. Повернулся опять к Массена. А тот уже на коне. Рванулся капрал к генералу. Ухватился рукой за плечо. Соскользнула рука. Пришпорил коня Массена. Вынес рысак генерала из битвы.

— Держи! Держи его! — кричит Махотин.

Да где уж! Быстрее ветра уходит Массена. Стоит капрал, смотрит сожалеючи вслед. Стоит и не замечает, что у самого в зажатой руке генеральский погон. Посмотрел на руку — правда погон.

Стыдно стало капралу, что упустил Массена. Решил про погон никому не рассказывать. А потом после битвы все же проговорился.

— Так ты же герой! — закричали солдаты.

Дивятся, рассматривают солдаты генеральский погон. Потом поднялись, пошли, рассказали ротному командиру, командир — генералу, генерал Суворову.

На следующий день перед войсками был объявлен приказ фельдмаршала о производстве Махотина в офицеры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился.

А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон. Вот если б он живого Массена привел.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

— Так если ваша воля на то, — произнес и пригнулся.

Поманил Суворов капитана.

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаете быть генералом?

— Не смею просить. Все от бога и вашего сиятельства, — гаркнул полковник.

— Ступайте принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — произнес Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов еще долго не мог успокоиться.

— «За какие заслуги!» — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

РОТА КАПИТАНА СМЕЛОГО

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличились больше других.

Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай, — послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апишеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона», — утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова», — доказывают четвертые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьется истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого, вот кто был первым, — ответил солдат.

— Рота капитана Смелого, — доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — произнес фельдмаршал.

После перехода через Чертов мост Суворов снова поинтересовался, кто был первым. Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришел, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выяснять героев.

— Рота капитана Смелого, — услышал Суворов опять в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты, шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чертовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первой рота капитана Смелого.

— Ах, вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну, ступай, еще раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, — а рота есть. Как же, есть! Она и в Апишеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты!

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на перевале все в первых.

Вот кто-то из солдат и придумал про роту капитана Смелого. Выдумка солдатам понравилась.

Стали они с той поры самых отважных называть этим именем.

Так и пошло.

Отличатся апишеронцы.

— Так это же рота капитана Смелого! — кричат солдаты.

Отличатся азовцы.

— Рота Смелого!.. Смелого!.. Смелого!.. — несетя в войсках.

Отличатся гренадеры Багратиона или казаки Грекова, а солдаты опять свое:

— Рота Смелого. Ей почет, ей и слава.

Понравилась Суворову солдатская выдумка. Стал и он по-солдатски. Зайдет разговор, кого посылать на опасное дело.

— Посылайте достойных, — говорит фельдмаршал. — Богатырей. Лучшие всего тех, кто из роты солдатского капитана.

НОВЫЕ БАШМАКИ

Оборвались в пути солдаты. Изодрали мундиры, избили башмаки на горных дорогах. Стынут солдаты от холода. Жмутся на ночевках к кострам, греют озябшие руки и спины.

Не лучшие других и Прохору Груше. Мундир — решето. Башмаки без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в тело.

Обвяжет Прохор тряпками ноги. Пройдет версту, от тряпок — мочала. Залатает мундир. К вечеру — снова ребра наружу. Измучился солдат: жизнь не мила, небо с овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его на привале.

— Эхма! Видать, оступился, сорвался в пропасть, — перекрестились солдаты.

А утром Прохор явился. Глянули приятели — не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундир, башмаки новые.

Мундир и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундир. Ай да мундир! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

— Ногу задери, ногу! — просят солдаты.

Подымет Прохор ногу. Ну и башмаки! Из ременной кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

— Вот так обнова! — восхищаются солдаты. — Век бы ходить по камням и стуже.

— Где достал? — понеслись голоса.

— Никак, дружков нашел, французов!

— Тещу завел, — смеются солдаты.

Рассказал Прохор, что ходил он к французскому лагерю, подкрался, снял часового — вот и разжился.

Завидно стало солдатам. В следующую ночь уже несколько человек отправились за добычей. Однако назад никто не вернулся. Французы усилили караул и перебили пришельцев.

Так и остался Прохор Груша один во французской обнове.

Походил день, второй, а потом неловко стало солдату. Среди своих и словно не свой. Словно среди простых петухов — пава.

Не рад уже Груша теплу и удобству. Не мил ему ни французский кафтан, ни башмаки из ременной кожи. Стал он предлагать трофеи товарищам: одному башмаки, другому мундир.

Отказываются, не берут, не хотят солдаты.

— Ты раздобыл, ты и носи, — отвечают Прохору.

Говорят солдаты без зла, без зависти, просто неудобно им брать дорогой трофеей товарища. А Груше кажется, что солдаты его сторонятся, что из-за этих, будь они прокляты, башмаков и мундира теряет Прохор верных друзей и приятелей.

Прошел еще день. Проклял Груша французский наряд. Снял мундир, снял башмаки, связал бечевой. Раскрутил и запустил в бездонную пропасть.

Солдаты шумно обсуждали поступок Прохора Груши.

— Дурак... — проговорил кто-то.

— Эх ты, мышинный помет, — оборвали его солдаты. — Правильно сделал. Молодец Груша. Желает как все.

— Молодец! — подтвердил седоусый капрал. — Может, и погорячился Прохор, да, видать, душа у него солдатская.

САЛО

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щип, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба! — вздыхают солдаты. — Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить тут впору одному бы наестся.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию, — предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашел первым, — возражает второй.

— Нет, так — чтоб каждому, каждому! — кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то произнес:

— Братцы, а я думаю так, отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу. Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало?! — подивился тот. — Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дорожке себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прошка. — Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

— Раненым?! Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают. — Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнес — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого.

Стариковское вам спасибо! — и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешептывались они по пути. — Вон как благодарил. Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«ВИЖУ!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков. — Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица.

Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдем дальше. Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин. Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко.

Теперь рядом. Вон как полыхают, — и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга.

— Вижу!

— Ай да Кожин. Ай да молодец. Ай да глазастый! — кричат солдаты. Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню, — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«РАЗРЕШИТЕ ПОСТРАДАТЬ...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропа.

Подойдешь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офицеров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает второй. — Надо вперед.

— Ну, а куда вперед?

Солдат задумался.

— Туда, — показал пальцем в долину.

— «Туда»! — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

— Братцы, — вдруг произнес плечистый парень из апишеронцев, — а что, ежели...

Солдаты повернулись к нему.

— У нас в деревне, — стал вспоминать парень, — ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чем сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — «На чем сидишь!»! Да тут от тебя и мокрого места не останется...

— Тут как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, все же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лежа, может, и получится.

— Можно и лежа, — соглашается парень.

И снова заспорили солдаты. Одни за то, что получится, другие — что в этом деле верная гибель.

— Эхма! — вздохнул парень. — Была не была! — Скинул шапку, бросил о камни. — Разрешите, — говорит, — пострадать за православный народ.

Перекрестился парень, ружье под мышку — и к пропасти. Лег на спину.

— Ты куда? — подбежали солдаты.

— Разрешите пострадать... — повторил парень и отпустил руки.

Летит парень, переворачивается то с боку на бок, то через голову. Ударяется о камни. Сюртук растрепало, ружье выпало.

Смотрят солдаты, а у самих мурашки по телу. Пролетел парень еще метров сто и вдруг перестал катиться. Поднялся, замахал товарищам.

— Жив! Жив! — закричали солдаты.

— Бра-атцы! — раздается снизу далекий голос — Смелей, бра-атцы!

За шумели солдаты. Задвигались. Бросились к пропасти. Один, второй, третий...

Вскоре вся русская армия кончила спуск. К вечеру того же дня солдаты достигли города Иланц.

Альпийский поход был закончен.

— Ну и ну! — поражались австрийские генералы. — Оленьими тропами — и провести целую армию!

— А что, — улыбался Суворов. — Там где олень пройдет, там и солдат пройдет. Где олень не пройдет, так и там российскому солдату пути не заказаны.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить. И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка. — Тут все ясное. Генералиссимус надо разумеет так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в драных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и все слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высоченного солдата. — Вот этот, — показал на приземистого седоусого капрала. — Вон они, — обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал, — произнес мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

Примечания

1

Топал-паша — хромой начальник. У Суворова в это время болела нога, и он прихрамывал.

2

Аман — сдаюсь, пощади.

3

Пардон (франц.) — извините, простите.

4

Драгуны — кавалерийские части.

5

Сикурс — помощь.

6

Месяц — луна.

7

Во фронт — то есть стал по стойке «смирно».

8

Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск, провизией.

9

Каптенармус — унтер-офицер, ведающий обмундированием солдат.

10

Ретирада — отступление.

11

Рекрут — молодой солдат.

12

Покров, рождество, пасха — церковные праздники.